

УДК 130.122

М. М. Кухтин

(кандидат политических наук, доцент)

Донецкий государственный университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *Сегодня искусственный интеллект является предметом не только точных, но и гуманитарных наук. Его развитие уже вызывает экономические и социокультурные сдвиги, влияющие на все сферы человеческой жизни и деятельности. В данной связи особую актуальность получили традиционные вопросы философии сознания. В чем наиболее полно выражается специфика человеческого мышления? Какие его процессы поддаются цифровому моделированию, а какие нет? Способна ли машина к эмоционально-волевым проявлениям и вообще к действиям, не заложенным в нее человеком? Наконец, важно выяснить, какое значение изучаемые технические новшества имеют в контексте современных геополитических, социально-экономических и культурных противоречий, насколько человечество готово ответить на соответствующие вызовы и использовать открывающиеся возможности.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, технологическая сингулярность, политическая экономия позднего капитализма, философия сознания.*

M. M. Kukhtin

(Candidate of Political Sciences, Associate Professor)

Donetsk State University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

ON THE POLITICAL ECONOMY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. *Today, artificial intelligence is a subject not only of the exact sciences but also of the humanities. Its development is already causing economic and sociocultural shifts, influencing all spheres of human life and activity. In this regard, traditional questions of the philosophy of consciousness have acquired particular relevance. What features most fully express the specificity of human thought? Which of its processes lend themselves to digital modeling, and which do not? Is a machine capable of emotional and volitional manifestations and, in general, of actions not programmed by humans? Finally, it is important to understand the significance of the technological innovations under study in the context of contemporary geopolitical, socioeconomic, and cultural contradictions, and the extent to which humanity is prepared to respond to the challenges involved and seize the emerging opportunities.*

Key words: *artificial intelligence, technological singularity, political economy of late capitalism, philosophy of consciousness.*

Одна из наиболее трудных проблем, стоящих сегодня перед творческим марксизмом, состоит в том, что непрерывно ускоряющиеся темпы научно-технической революции нередко не позволяют реагировать на вызовы инновационного развития в реальном времени и оперативно прогнозировать его дальнейшую траекторию. Соответственно, хотя переход к бесклассовому обществу и преодоление многообразных форм отчуждения остаются программными целями современной марксистской мысли, конкретные шаги на данном пути уже во многом определяются факторами, действие которых классики не могли предвидеть в деталях. К их числу, несомненно, относится и искусственный интеллект, вызывающий сегодня самые разнообразные общественные реакции – от апокалиптических ожиданий, нередко имеющих мистическую окраску, до утопических проектов, в которых окончательное торжество техницизма рассматривается как путь к мировой гармонии.

Диалектика производительных сил и производственных отношений отвергает обе крайности: сами по себе научно-технические достижения не создают и не устраняют общественные бедствия, все дело в том, кто именно, какой социальный класс определяет способы и цели их использования. Политэкономическую подоплеку вопроса глубоко изучил Э. В. Ильенков, на тот момент его анализ был близок к исчерпывающему, однако с тех пор произошли тектонические сдвиги в развитии глобального социума и созданной им техносферы. Философ отмечает: «Человек, имея дело с машиной, в действительности имеет дело с другим человеком, с ее создателем и хозяином, и Машина – только посредник между людьми» [1, с. 31-32]. При этом порабощение человека машиной (в конечном счете, механизмами накопления капитала) уже свершилось, хотя авторы постапокалиптических и антиутопических произведений нередко переносят его в более или менее отдаленное будущее.

Сегодня человек «реально (а вовсе не в фантазии) играет роль «частичной детали частичной машины» [1, с. 36]. С другой стороны, слишком оптимистичная оценка возможностей кибернетики порождена технократической идеологией, которая механически абстрагирует отдельные проявления человеческого мышления и деятельности и намеренно затемняет проблему человеческой сущности [1, с. 37-41]. Впрочем, скепсис относительно общего искусственного интеллекта встречал аргументированные возражения уже в рамках советской науки [2, с. 18]. При этом подход Ильенкова к общественным проблемам предвосхищает некоторые популярные сегодня социологические приложения кибернетики. По мнению С. Б. Персегина, искусственный интеллект необязательно воплощается с помощью современной вычислительной техники, его реализацией является, например, государственный административный аппарат, что многое объясняет в поведении последнего [6, с. 233-236].

Задача исследования – рассмотреть проблему искусственного интеллекта в релевантных социальных контекстах позднего капитализма.

Как известно, отношения советского марксизма и кибернетики прошли несколько качественно различных этапов, причем философское осмысление ее принципиальных возможностей и фундаментальных результатов так и не достигло полной ясности ни в одной из существующих версий. Это объясняется целым рядом причин: и ошибочностью (в ряде случаев) исходных мировоззренческих установок, и незавершенностью исследуемых процессов, и их противоречивостью. На последней проблеме следует остановиться подробнее. История знает немало случаев, когда технические новшества, призванные повысить производительность труда и облегчить его бремя, использовались для создания новых механизмов контроля и эксплуатации. Более того, утверждение нового технологического уклада, как правило, сопровождалось разрушительными побочными эффектами – ростом нищеты и безработицы, стихийного и организованного насилия, обострением политической и экономической конкуренции, хозяйственными кризисами.

В рыночной логике человек весьма часто замыкается в рамках узкой специализации, жертвуя остальными аспектами своего потенциала. В таком случае его трудовые функции легко могут быть стандартизированы и формализованы, что открывает прямой путь к их автоматизации. При этом трудящийся, потерявший работу из-за внедрения «умных машин», часто не может быстро переучиться, потому что гибкость и открытость мышления – это качества, которые неолиберальный капитализм отнюдь не стремится привить широким массам. В данной связи современный философ А. Соловьев отмечает: «Человек отчужденный у Маркса – это человек, эксплуатируемый капиталом ради собственной выгоды и превращённый в экономический ресурс для чужого использования. В эпоху неолиберального капитализма предприниматель самого себя оказывается в отношениях самоэксплуатации и самопотребления, а его внутренний мир находится в новых сетях самоотчуждения» [7].

По сути, автор цитаты говорит о радикализации протестантской трудовой этики, о ее доведении до последнего возможного предела. Превращение простого работника в «предпринимателя самого себя» или «чиновника своего письменного стола» означает, что теперь ему, по сути, переданы некоторые надзорные и контрольные функции в сфере трудовых отношений, которые раньше реализовывались скорее за счет внешнего принуждения, экономического и внеэкономического. Реклама, мода, императивы карьерного успеха и демонстративного потребления исподволь подталкивают людей к решениям, которые увеличивают их рыночную капитализацию в ущерб гармоничному собственно человеческому развитию [7].

В классическом индустриальном капитализме XIX века рабочий соглашался на роль «частичной детали частичной машины», чтобы обеспечить свое физическое выживание. В XX веке в наиболее развитых капиталистических экономиках

на передний план вышли другие инструменты управления трудовыми ресурсами. Однако в антропологическом плане мало что изменилось: человек, как и раньше, вынужденно развивает свои способности в интересах отчужденных сил, что стратегически, в отдаленной перспективе, неизбежно снижает его конкурентоспособность в любом понимании данного термина. Самим опытом жизни при текущей формации он плохо подготовлен к тому, чтобы осваивать технические, организационные, культурные и иные новшества и адаптироваться к обществу, где они играют одну из центральных ролей. Однако уже сейчас можно выделить некоторые «точки роста», понять, в чем именно человек сохраняет принципиальные преимущества перед машиной. Слабость популярных моделей искусственного интеллекта во многом является оборотной стороной их силы: они способны обрабатывать недоступные человеку объемы информации («большие данные»), но, с другой стороны, не могут эффективно обучаться, не делая этого. Соответственно, при ограниченных входных данных они достаточно часто совершают ошибки. Человек же успешно осваивает родной язык на основании во многом случайного и фрагментарного опыта общения. В данной связи генеративная лингвистика говорит о врожденном компоненте языковой способности, благодаря которому «ребенок, овладевающий родным языком, может, не рассматривая, отбросить необозримое множество ложных гипотез и быстро приходить к правильным решениям» [8]. Сторонники теории полагают, что механизм естественного языкового обучения поддается математическому моделированию [8], однако неизвестно, сколько времени еще потребуется на окончательное решение данной задачи и как быстро удастся привить соответствующие практические навыки искусственному интеллекту.

Таким образом, бурное развитие искусственного интеллекта стало проблемой именно в текущих конкретно-исторических условиях. Императив максимизации прибыли массово воспроизводит человеческий тип, отличающийся сильным инновационным сопротивлением, негибкими поведенческими стратегиями и упрощенной, статичной картиной мира. Массовые страхи перед будущим обусловлены, среди прочего, культивируемой рынком выученной беспомощностью (под маской «безграничных возможностей для самореализации»), а не якобы объективно тупиковой ситуацией в динамике глобального развития. «Парадокс в том, что потребление возможностей оборачивается «потреблением невозможностей», исчерпывающих реальные внутренние и внешние ресурсы любого, кто привносит в свою жизнь «контролируемые» риски само-инвестирования» [7].

Российский аналитик С. Б. Переслегин создал формализованную модель подобных противоречий, разграничив физические и гуманитарные технологии. Первые составляют техносферу в узком значении термина, опосредуя отношения между человеком и природой, вторые решают задачу социокультурного освоения первых, вырабатывая правила их использования [5, с. 461]. В частности, любая праг-

матика должна приобрести аксиологическое измерение, адаптироваться к социально обусловленной системе неутилитарных ценностей. Если физические технологии отстают в своем развитии от гуманитарных, может наступить коллапс материальной цивилизации, в конечном счете губящий многие достижения высокой культуры. Примером такой катастрофы является эпидемия чумы, поразившая Европу в середине XIV в. Возможна и обратная ситуация, когда бурный рост физических технологий не уравнивается способностью общества ответственно и дальновидно использовать их в созидательных целях.

По мнению С. Б. Переслегина, современный мир рискует попасть именно в такое положение [5, с. 464-466]. Можно сказать, что соответствующие тенденции и представляют собой неизбежное порождение постиндустриального кризиса, и дополнительно усугубляют его течение [4, с. 292-293]. Развитие искусственного интеллекта является вызовом для человека, лишенного четкой базовой онтологии и, как следствие, потерявшего твердые ориентиры в быстро меняющемся мире. Около века назад основатель философской антропологии М. Шелер уже указывал на двойственность самопознания своих современников. В его эпоху религия, философия и наука накопили невиданный объем материала обо всех аспектах человеческой жизни и деятельности, однако именно тогда осмысление человека как целостного феномена стало представлять беспрецедентные трудности. «...еще никогда в истории человек не становился настолько проблематичным для себя, как в настоящее время» (курсив автора цитаты) [9, с. 133-134]. Чисто количественное накопление знаний не приводило к их высшему синтезу, напротив, оно вызывало у многих мыслителей чувство все большей растерянности и дезориентации.

Сегодня развитие искусственного интеллекта возвращает людей к противоречиям их собственного бытия и сознания, к фундаментальным вопросам, которые история уже достаточно давно поставила, но пока полностью не исчерпала. Современная наука не до конца понимает происхождение, сущность и структуру человеческого мышления, а некоторые ее открытия не находят широкого признания, поскольку затрагивают те или иные классовые интересы. Также человечество встало перед серьезными этическими дилеммами. В популярном сюжете «восстания машин» роботы борются за власть и ресурсы точно так же, как реальные люди, безоговорочно принявшие диктуемые рыночной стихией ценностные установки. Каким должен стать человек, чтобы не бояться конкурента в лице нечеловеческого разума? И что может сделать последний, если будет на порядки превосходить людей в решении утилитарных задач, оставаясь на уровне буржуазной морали?

Возможно, раньше всех проблему соотношения искусственного и естественного интеллекта поставил Б. Паскаль: «Счетная машина производит действия, которые ближе к мысли, чем все, что делают животные; но она не делает ничего, что позволило бы сказать, будто у нее есть воля, как у животных» [3, с. 280]. Интересно отметить, что идея механизации и автоматизации тех или иных мыслительных

процессов изначально созрела в рамках религиозного сознания (Раймунд Луллий, Паскаль, отчасти Декарт и Лейбниц). Резкое противопоставление Бога и машины как объяснительных принципов было в высшей степени характерно, например, для французского материализма XVIII в., однако философия барокко допускала достаточно широкую вариативность в трактовке подобных вопросов.

Человеческое мышление всегда было рефлексивным и рекурсивным. С одной стороны, оно неизбежно является собственным предметом, наряду с явлениями и процессами внешнего мира, с другой, оно последовательно создает свои же модели, которые автономно отражают объективную действительность. Такое моделирование осуществляется в разноуровневых и разнокачественных знаковых системах, главной из которых является естественный язык. При этом создаваемые людьми информационные структуры (от конкретного текста до культуры в целом) всегда обладали хотя бы отдаленным подобием субъектности и были способны действовать помимо воли своих творцов. Здесь можно вспомнить и гегелевскую трактовку отчуждения, и объективную социальную силу у классиков марксизма, и теорию информационных объектов. Человеческое сознание, здесь и сейчас отражающее внешний мир, само существует только как обобщение более раннего опыта его теоретического и практического освоения. Возникает своеобразный лабиринт зеркал, фундаментальные свойства которого не зависят от субъективных желаний его строителей: никакие декреты не могут произвольно менять культуру вопреки объективной логике ее развития. Большинство форм искусственного интеллекта просто продолжают вереницу технических и информационных «неорганических тел» человека, которые дают ему дополнительные возможности, но и в какой-то степени предопределяют его решения.

Новый виток научно-технического прогресса вызвал целый веер острых реакций скорее потому, что хронологически совпал с невиданным по глубине кризисом классово-антагонистического (а не только конкретно капиталистического) общества. Что характерно, попытки справиться с нарастающей социально-экономической турбулентностью при помощи новых технологий просто отодвигают проблему в будущее, не решая ее по существу. Еще около 15 лет назад С. Б. Переслегин предсказывал, что активное развитие инновационных секторов производства в рамках текущего экономического уклада приведет к надуванию новых финансовых пузырей, подобных уже лопнувшему ипотечному [4, с. 262-263]. В августе 2025 г. один из ведущих специалистов по искусственному интеллекту С. Альтман сказал, что в его области такой пузырь уже сформировался [10]. То есть, именно те научно-технические достижения, которые многими воспринимались как спасительная для капитализма «волшебная палочка», просто маркируют очередной этап его кризиса. Сама диалектика исторического развития ускоряет созревание

более высоких общественных отношений и, соответственно, формирование нового человеческого типа, более подготовленного к вызовам времени.

Подводя итоги, можно выделить в рассматриваемой проблеме два взаимосвязанных аспекта. Классовый подход проливает свет на амбивалентность общественно значимого применения передовых технологий. Любой социальный строй с большим или меньшим успехом использует инновации для упрочения своего положения, однако тем самым в долгосрочной перспективе подготавливает материальную базу следующей формации. Западные глобалисты стремятся оседлать новую волну инновационного развития, однако в капиталистических реалиях это приводит к появлению очередных финансовых пузырей и продолжающемуся массовому воспроизводству культурной модели, неспособной дать достаточное количество квалифицированных пользователей (не говоря уже об изобретателях) новых технологий.

Налицо несоответствие между растущими материальными возможностями и их политическими, экономическими и иными побочными эффектами, все больше выходящими из-под контроля. Социальное творчество масс должно дать ответ на актуальные вызовы современности, предложив новые жизненные форматы, альтернативные как избыточно жестким управленческим иерархиям, так и рыночной стихии, парадоксальным образом соединяющей в себе аморфность и механистичность. Современные популярные страхи, подрывающие веру многих людей в свои силы, в большой степени отражают неспособность неолиберальной модели справиться с невиданно возросшими возможностями материального и духовного производства. Возрастает «цифровой разрыв» между странами, активно использующими искусственный интеллект, и всеми остальными. Например, центры научно-технической революции уже в какой-то мере могут заменять трудовых мигрантов роботами, другим это пока недоступно, что имеет вполне очевидные социально-экономические, политические и культурные последствия. При этом в наиболее развитых странах опережающее развитие кибернетики может ухудшить ситуацию с безработицей. Есть и другая проблема: мещанское (в научном смысле термина) сознание, неспособное выстроить адекватную картину общественных отношений, массово производит нереалистичные катастрофические сценарии (наподобие популярных кинематографических трактовок «восстания машин»).

Второй аспект изучаемого вопроса связан с дальнейшим развитием философии сознания. Как показывает, в частности, спор «диалектиков» и «механистов», ее отношения со специальными науками могут выстраиваться по-разному, и здесь важно избежать как позитивистских тенденций, так и схоластического отрыва общеполитических (пусть и многократно проверенных временем) установок от актуальных задач науки и практики. Вопрос о потенциальной субъектности искусственных кибернетических систем пока остается открытым. Интересно отметить, что в советской научной фантастике были весьма различные подходы к нему: в ро-

манах И. А. Ефремова описана довольно примитивная по современным меркам вычислительная техника, в «мире Полудня» братьев Стругацких, напротив, существуют достаточно сложные роботы, управляемые искусственным интеллектом. Идея внешне и функционально неотличимых от людей кибернетических организмов также не была чужда советской культуре, для которой вообще не был характерен страх перед техническим моделированием человеческих жизненных проявлений. Такие опасения были как раз распространены в западной литературе времен «холодной войны».

При этом научная фантастика является, среди прочего, превращенной формой футурологии, своеобразным зеркалом актуальных (не всегда артикулированных в явной форме) приоритетов общественного развития. Соответственно, можно сделать вывод, что в рамках творческого марксизма в принципе допустимы различные интерпретации сильного искусственного интеллекта. Общим знаменателем всех таких подходов является понимание того, что только полное преодоление отчуждения позволит разумно ограничить риски, связанные с интеграцией нового технологического пакета в социальную ткань современной цивилизации.

Библиографический список:

1. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах / Э. В. Ильенков. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – 319 с.
2. Колмогоров А. Н. Автоматы и жизнь / А. Н. Колмогоров // Техника – молодежи. – 1961. – № 10. – С. 16-19.
3. Паскаль Б. Мысли / Б. Паскаль; пер. с фр. Ю. А. Гинзбург // Памятники мировой литературы. – М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. – 480 с.
4. Переслегин С. Б. Бег с барьерами, или через постиндустриальный кризис / С. Б. Переслегин // Опасная бритва Оккама. – М.: АСТ: Астрель; СПб.: Terra Fantastica, 2011. – С. 255-305.
5. Переслегин С. Б. Странные взрослые / С. Б. Переслегин // Возвращение к звездам: Фантастика и эволюция. – М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Terra Fantastica, 2010. – С. 427-467.
6. Переслегин С. Б. «Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата...», или Сумма технологии / С. Б. Переслегин // Опасная бритва Оккама. – М.: АСТ: Астрель; СПб.: Terra Fantastica, 2011. – С. 216-254.
7. Соловьев А. Капитализм возможностей и гиперотчуждение субъекта выгорания / А. Соловьев // Insolarance. – URL: <https://insolarance.com/opportunity-capitalism/> (дата обращения: 08.11.2025).
8. Тестелец Я. Г. Генеративная лингвистика / Я. Г. Тестелец // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2350232> (дата обращения: 10.11.2025).

9. Шелер М. Положение человека в космосе / М. Шелер // Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – С. 129-193.
10. Roth E. Sam Altman says ‘yes,’ AI is in a bubble / E. Roth // The Verge. – URL: <https://www.theverge.com/ai-artificial-intelligence/759965/sam-altman-openai-ai-bubble-interview> (accessed on: 08.11.2025).

References:

1. Ilyenkov E. V. On Idols and Ideals / E. V. Ilyenkov. – Moscow: Publishing House of Political Literature, 1968. – 319 p.
2. Kolmogorov A. N. Automata and Life / A. N. Kolmogorov // Technology – for youth. – 1961. – No. 10. – Pp. 16-19.
3. Pascal B. Thoughts / B. Pascal; trans. from French by Yu. A. Ginzburg // World Literary Monuments. – Moscow: Sabashnikov Publishing House, 1995. – 480 p.
4. Pereslegin S. B. Hurdles, or Through the Post-Industrial Crisis / S. B. Pereslegin // Occam's Dangerous Razor. – Moscow: AST: Astrel; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2011. – Pp. 255-305.
5. Pereslegin S. B. Strange Adults / S. B. Pereslegin // Return to the Stars: Science Fiction and Evology. – Moscow: AST: AST Moscow; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2010. – Pp. 427-467.
6. Pereslegin S. B. "What is Enough for Herodotus is Not Enough for Herostratus...", or the Sum of Technology / S. B. Pereslegin // Occam's Dangerous Razor. – Moscow: AST: Astrel; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2011. – Pp. 216-254.
7. Soloviev A. Capitalism of Opportunities and Hyper-Alienation of the Subject of Burnout / A. Soloviev // Insolarance. – URL: <https://insolarance.com/opportunity-capitalism/> (accessed on: 08.11.2025).
8. Testelelets Ya. G. Generative Linguistics / Ya. G. Testelelets // The Big Russian Encyclopedia. – URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2350232> (accessed on: 10.11.2025).
9. Scheler M. The Position of Man in Space / M. Scheler // Selected Works. – Moscow: Gnosis, 1994. – Pp. 129-193.
10. Roth E. Sam Altman says ‘yes,’ AI is in a bubble / E. Roth // The Verge. – URL: <https://www.theverge.com/ai-artificial-intelligence/759965/sam-altman-openai-ai-bubble-interview> (accessed on: 08.11.2025).